

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-116-130>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)53 + 76.02(2)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. В. С. Зайцев
г. Москва, Россия

**«НАМ НУЖЕН СОВЕТСКИЙ ЧЕХОВ»:
О ЧЕХОВСКОЙ АНКЕТЕ ЖУРНАЛА
«НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ»**

Аннотация: Рубеж 1920–1930 гг. в отечественной историографии имеет репутацию «античеховского» периода: творчество писателя подвергалось многочисленным эстетическим ревизиям, насущным был вопрос о необходимости чеховского наследия для постреволюционной культуры. Одной из наиболее любопытных дискуссий в данном контексте стала посвященная А. П. Чехову юбилейная анкета, проведенная журналом «На литературном посту» в 1929–1930 гг. Начиная с 1960-х гг. и до настоящего времени многие исследователи (М. Л. Семанова, Э. А. Полоцкая, И. Н. Сухих) приводили эту анкету в качестве наиболее яркого примера характерных для первого послереволюционного десятилетия антиклассических и античеховских тенденций в критике и литературоведении. Внимательный анализ ответов на данную анкету демонстрирует сложность и неоднозначность итогов этого опроса, а также некорректность распространенных оценок его: большинство опрошенных писателей и партийных деятелей комплиментарно оценили чеховское творчество, отметили необходимость учебы у писателя литературному мастерству, подчеркнули важность ознакомления с творчеством А. П. Чехова массового читателя. Сложно привести более неудачный материал для подтверждения «античеховизма» в критике и литературоведении 1920-х гг., чем анкета «На литературном посту», а некоторые параллели с опросом, посвященным 150-летию А. П. Чехова, демонстрируют устойчивый характер многих формулировок, несводимых к мыслимым характерными «советским» или «постсоветским» шаблонам.

Ключевые слова: А. П. Чехов, советская литература, классическая литература, идеология.

Информация об авторе: Виктор Сергеевич Зайцев — кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля, Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>. E-mail: vik.zaytsev2014@yandex.ru

Дата поступления статьи: 25.03.2019

Дата публикации: 28.09.2020

Для цитирования: Зайцев В. С. «Нам нужен советский Чехов»: о чеховской анкете журнала «На литературном посту» // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57. С. 116–130. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-116-130>

В «Примечании псевдофилософском (из дискуссии на тему “Философия филологии”))» академик Михаил Леонович Гаспаров отмечал: «Филология — это наука. А философия и наука — вещи взаимодополняющие, но несовместимые. Философия — это творчество, а наука — исследование. Цель творчества — преобразовать свой объект, цель исследования — оставить его неприкасаемым. И то и другое, конечно, одинаково недостижимо, но эти недостижимые идеалы диаметрально противоположны. <...> Диалог между творческим и исследовательским началом в культуре всегда полезен. (Конечно, — как всегда — диалог с предпосылкой полного взаимонепонимания.) Повидимому, таков и диалог между философией и филологией. Пусть они занимаются взаимопоеданием, только так, чтобы это не отвлекало их от их основных задач: для творчества — усложнять картину мира, для науки — упрощать ее» [3, с. 100, 102].

Итак, одна из главных функций науки — упрощать картину мира. Сложность состоит в том, чтобы упрощение не превратилось в профанацию или деформацию объекта. В гуманитаристике границы между мотивированными и безосновательными упрощениями традиционно очень зыбки и хронически нарушаемы. Ситуация осложняется наличием своего рода мифов, устойчивых представлений, связанных с отдельными этапами историко-литературных процессов. Так, в целом период 1920–1930 гг. в истории отечественной литературы и литературной критики можно охарактеризовать как античеховский. Впрочем, подобное относят не только к чеховскому творчеству. Борис Владимирович Дубин и Абрам Ильич Рейтблат пишут об этом периоде так: «<...> сложившуюся на рубеже 20–30-х гг. ситуацию можно охарактеризовать как наиболее антиклассическую в истории советской литературы. Авторитет литературной классики и традиции вообще предельно низок и определяется не историческим пониманием ее значимости или наличными традициями в истолковании классических текстов, а, прежде всего, актуальными задачами отдельных групп современных деятелей литературы» [5, с. 162].

Однако отдельные аспекты сложнее и противоречивее заявленного античеховского и антиклассического целого. Иллюстративный материал к этому тезису подбирается зачастую однотипный и анализируется слабо, с оглядкой на сформировавшиеся клише. И при ближайшем рассмотрении этого материала выясняется, что в качестве иллюстрации он по многим параметрам неприемлем. К такого рода сложным страницам раннесоветской чеховской историографии принадлежит анкета журнала «На литературном посту»: «Как мы относимся к Чехову» (фактически у анкеты было два названия; к этому мы вернемся ниже). Чем хронологически далее отстояли работы, в которых данная анкета упоминалась, тем более монохромные черты приобретали аналитика и резюмирование. В 1960-е гг. Мария Леонтьевна Семанова писала об «обнажении разногласий» и «разноречивости суждений» [18, с. 126]. В 1970-е гг. Михаил Борисович Храпченко — непосредственный свидетель этой и аналогичных полемик — обобщал данные налитпостовской анкеты так: «Несмотря на быстрый рост популярности произведений Чехова, теория о пессимистической их доминанте продолжала существовать вплоть до 30-х годов. Неприятие его творчества некоторыми слоями читателей, отдельными писателями в послереволюционные годы проявлялось иногда в довольно резкой форме. <...> В этой связи нельзя не вспомнить ответы ряда писателей и критиков на анкету, проведенную журналом “На литературном посту” в 1929 г. Наряду с высокой оценкой творчества Чехова в этих ответах встречаются и весьма негативные суждения» [21, с. 40]. Эмма Артемьевна Полоцкая отмечала, что голос Михаила Ефимовича Кольцова, защищавшего А. П. Чехова в этой анкете, «звучал одиноко» [16, с. 259]. Сове-

менный исследователь Игорь Николаевич Сухих пишет уже однозначно: «Отрекшиеся Петры и новые скептики в чем-то были правы. Людям, привыкшим убивать или умирать от голода, было странно видеть на сцене или читать о “нежных, похожих на цветы” чувствах и разделять нравственные страдания доктора, давшего пощечину нерадивому фельдшеру. Свои резоны были и у писателей, отвечавших на вопрос, нужен ли нам Чехов? (Заочную дискуссию-анкету “Как мы относимся к Чехову?” в 1929 г. организовал журнал “На литературном посту”, большинство ответов были отрицательными). Гоголевские густая живопись и гротеск, лесковский сказ, толстовский аналитический психологизм гораздо легче прививались к советской реальности (у Булгакова, Бабеля, Зощенко, Фадеева), чем чеховская краткость, точность деталей и неуловимая поэтичность» [19, с. 151–152].

Между тем эта анкета и отдельные материалы, связанные с ней и обрамлявшие ее, является сколь типичным, столь и неоднозначным явлением в ряду дискуссий постреволюционных лет о путях русской литературы, попыток отторгнуть от новой советской культуры идеологически неудобных авторов прошлого либо «опролетарить» классическое культурное наследие. Артикуляция и проблематизация неоднозначности этой страницы в истории отечественного чеховедения — магистральная задача данной статьи.

Что собой представлял журнал «На литературном посту»?

«На литературном посту. Двухнедельный журнал марксистской критики» был непрямым потомком журнала «На посту» (1923–1925), часть редколлегии которого (в частности — Леопольд Леонидович Авербах) работала и в новом издании. «На литературном посту» играл своеобразную роль партийного зрителя над литературными процессами в период после публикации известного постановления Центрального Комитета «О политике партии в области художественной литературы». Мы не будем останавливаться на этом документе подробно, отметим только, что, помимо различного рода задач, перед редакцией «На литературном посту» стояла борьба против пренебрежительного отношения (прослеживаемого в данный период, например, у представителей Левого фронта искусств либо идеологов Пролеткульта) к старому культурному наследию. Поиск этот велся все время существования журнала и одно из концептуальных воплощений нашел в идеях «учебы у классиков» (см. ниже о статье «Классики — попутчики — пролетарские писатели»).

Несмотря на размытость технических аспектов процесса, лозунги об учебе у классических авторов закрепились в идейном инструментарии налитпостовцев, а позднее и в официальных литературных изданиях советской платформы. Учеба у классиков была номинально заявлена и у издания-предшественника, но редколлегия «На литературном посту» в этом направлении делала много — от программных статей до анкет среди деятелей культуры. Однако прежде, чем учиться, необходимо было четко очертить круг классиков-учителей. Имя А. П. Чехова в ходе процесса выявления таких авторов стало наиболее дискуссионным.

До анкеты о А. П. Чехове

Показателен сдвоенный мартовский номер 5–6 за 1927 г. В передовой статье номера полемически отстаивались принципы учебы у выдающихся писателей прошлого: «Тактика противников пролетарской литературы меняется. Одно остается относительно постоянным: обвинение в отрицании классиков. <...> нигде в литературных органи-

зациях не уделяется столько внимания великим писателям прошлого — сколько у наиболее революционных писателей нашего времени, у писателей пролетарских. <...> Правда, мы не склонны их [классиков] фетишизировать» [10, с. 3]. «Классики — прошлый день! Да, классики — это великое позавчера. Но через Толстого, а не через Бабеля пролегал наш завтра! <...> пролетарский писатель подходит к классикам как ученик, который должен пойти дальше своего учителя. <...> Мы не голые люди на голой земле. Но мы и не понесем на себе всех одеяний, которые носили до нас, которые обветшали и которым место в музее» [10, с. 5]. Тенденция может показаться радикальной, но лишь на первый взгляд. Она не нова и свойственна каждому этапу культурных и литературных процессов; в начале XXI в. в одном из докладов М. Л. Гаспарова прозвучала аналогичная проблематизация: «В 1911 году отмечался 200-летний юбилей Ломоносова, никто этого не заметил, кроме профессиональных филологов: Ломоносов был уже только музейной ценностью. Совсем недавно мы отмечали 200-летний юбилей Пушкина: не была ли его историческая пышность бессознательной попыткой скрыть, что Пушкин для нас тоже отодвигается в музейные ценности?» [4, с. 14].

Вопрос о том, кого из классиков необходимо «сдать» в музей, а кого взять в наставники, был сопряжен с проблемой — кто является классиком для новой революционной культуры? В статье в качестве таковых были упомянуты Александр Сергеевич Пушкин, Николай Васильевич Гоголь, Лев Николаевич Толстой, Федор Михайлович Достоевский и Виктор Гюго. А. П. Чехов в этом материале упомянут не был, но имя его встречается в напечатанной далее анкете «Наши современные писатели о классиках». Анкета состояла из четырех вопросов: 1. Что вы подразумеваете под понятием «классическая литература»? 2. Знакомы ли вы с классической литературой? 3. Влияют ли классики на ваше творчество? Кто влияет? 4. Художественный метод какого классика вы считаете наиболее соответствующим отображению нашей действительности?

Несколько респондентов упомянули А. П. Чехова. Например, Пантелеймон Сергеевич Романов: «<...> лет в 18 я стал систематически изучать Гоголя, Толстого и Чехова; последний меньше всего повлиял на мое творчество» [15, с. 58]. Юрий Николаевич Либединский: «Под классиками русской литературы я подразумеваю таких писателей, в произведениях которых соотношение между содержанием и формой достигает такого совершенства, когда произведение воспринимается как живое органическое целое, в котором форма является средством для восприятия содержания и достигает в этом отношении такой высоты, что совершенно не чувствуется при прочтении. К классикам я отношу Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Л. Толстого, Тургенева, Гончарова; менее отвечающих этому требованию — Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Чехова, Достоевского, Бунина. Необходимо правильно издавать классиков и в наших школах серьезно и основательно их изучать» [15, с. 58–59]. М. Е. Кольцов причислил А. П. Чехова к классикам без оговорок, отметив также его сильное влияние на литературную работу [15, с. 59]. Всеволод Вячеславович Иванов: «Больше всего на мою литературную работу влиял Горький, отчасти Чехов» [15, с. 61]. Характерным было мнение Ильи Львовича Сельвинского: «В понятие классической литературы я не вкладываю никакого специфически-художественного или идеологического содержания. Для меня это история литературы, куда я отношу любую высококвалифицированную, но уже отстоявшуюся во времени литературную линию. Таким образом, последними классиками я считаю футуристов. <...> Говоря об учебе у классиков, нужно иметь в виду именно элементарную литграмоту. Заучиваться у них опасно. Если бы Пушкин жил сегодня, он издевался бы над четырехстопным ямбом вообще и над своими реставраторами в особенности» [15, с. 62–63].

Итак, А. П. Чехова упомянули 4 респондента из 15: к классической литературе безо всяких оговорок чеховское творчество отнес М. Е. Кольцов, с оговорками — Ю. Н. Либединский, о влиянии упомянул Вс. В. Иванов, об отсутствии такового — П. С. Романов.

«Чеховская» анкета

Результаты анкеты были опубликованы в трех номерах: № 17, сентябрь 1929 г., № 19, октябрь 1929 (с примечанием — «окончание анкеты») и № 1, январь 1930 (вновь с примечанием «окончание анкеты»). Последний номер по каким-то причинам не упоминают и не цитируют ни М. Л. Семанова, ни Э. А. Полоцкая, а саму анкету чаще всего называют анкетой 1929 г., что, как мы видим, некорректно.

В номере 17 анкета называлась «Как мы относимся к Чехову», в двух последующих тема была переформулирована: «Как мы относимся к творчеству Чехова». Редакция, предлагая вопросы литераторам и политическим деятелям, желала «выявить их отношение к творчеству Чехова до революции и в настоящее время» [7, с. 59]. Сама постановка вопроса предполагала эволюцию отношения. Вопросов было четыре: 1. Как вы относились к творчеству Чехова до революции? 2. За последние годы читали ли вы Чехова? 3. Нужно ли сейчас продвигать Чехова к массовому читателю? 4. Какое значение имеет и должен иметь Чехов для современной художественной литературы?

Анкета, следует отметить, не преследовала целей узнать, читают ли произведения А. П. Чехова в принципе или нет. Читательская востребованность чеховского творчества к концу 1920-х гг. была несомненна даже на массовом уровне. Тем более это было очевидно редакции «На литературном посту», в котором периодически публиковались результаты локальных исследований читательских предпочтений. В апреле 1927 г. в рубрике «Что читают» была опубликована заметка «В винницкой центральной библиотеке». Один из результатов: «Чехов читается охотно» [20, с. 65]. В мае 1927 г. были обнародованы итоги «изучения читателя» в шести библиотеках Бодайбинского золотопромышленного района (общее количество читателей — около 3000). В сводной таблице А. П. Чехов занял восьмое место (после Максима Горького, Демьяна Бедного, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Джека Лондона, Эптона Синклера и Михаила Юрьевича Лермонтова). Процентное распределение выглядело так: «у рабочих» — 37,5%, «у служащих» — 45%, «у женщин» — 41,5% [22, с. 66].

Безусловно, нельзя не отметить, что конкретные выборки давали разные результаты, однако несоответствия между итогами отдельных библиотечных опросов не должны нивелировать факта, что А. П. Чехова на массовом уровне читали. Налитпостовская анкета, таким образом, преследовала цель узнать мнение профессиональных читателей. А оно оказалось разнообразным как по формату, так и в содержательном плане.

Крайне резок в оценках был Михаил Степанович Ольминский: «Могу судить о Чехове только с политической точки зрения. Отношусь к нему в высшей степени отрицательно. <...> Я получаю “Огонек” с приложением сочинений Чехова, которые остаются лежать неразрезанными и которые, в конце концов, придется бросить в ящик для ненужных бумаг, т. к. от лица коммуниста никакому массовому читателю я их передать не могу.

Я не отрицаю таланта Чехова, но это — пустой талант. Для писателей литераторов можно рекомендовать учиться у Чехова, как мы рекомендуем вообще им учиться у классиков» [7, с. 59].

Более дифференцированный подход продемонстрировал Ю. Н. Либединский: «До революции Чехов был одним из любимых моих писателей, и в настоящее время я продолжаю его читать. Я считаю, что Чехова издавать надо, но не полными собраниями сочинений, а дешевыми изданиями отдельных избранных произведений. <...> поскольку современная действительность еще хранит глубокие следы прошлого, постольку живет и его [А. П. Чехова] творческий метод» [7, с. 59].

Апологетическую позицию занял М. Е. Кольцов: «В 1928 г. за год до 25-летней годовщины смерти Чехова, перечитал заново все его произведения и твердо убедился, что этот крупнейший писатель жив, реально нужен и полезен нашей эпохе. <...> В отношении его не может возникнуть и сотой доли тех споров, какие были вокруг Толстого. Мирозерцание Чехова насквозь критическое, материалистическое, позитивное. Чехов учит разглядывать и ненавидеть мещанина и обывателя. <...> Современной советской литературе Чехов нужен как блестящий учитель формы <...>» [7, с. 60]. Отзыв однозначно положительный, но М. Е. Кольцов продолжает впадать в крайности своей известной юбилейной статьи годичной давности («Чехов без грима» [12, с. 6]), вызвавшей большую полемику, а в конце цитирует ее концовку.

Федор Федорович Раскольников: «Я всегда считал Чехова очень интересным писателем и с большим удовольствием читал его рассказы. <...> произведения Чехова заслуженно вошли в железный инвентарь принятого нами классического литературного наследия. Конечно, всячески необходимо продвигать Чехова к массовому читателю наряду с Толстым, Тургеневым, Салтыковым-Щедриным, Глебом Успенским и другими классиками нашей литературы. Но, продвигая в массы классическую литературу, необходимо воспитывать и развивать в читателе-массовике критический подход к литературным явлениям, чего мы часто не делаем. <...> Значение Чехова для современной пролетарской литературы заключается в том, что Чехов как исключительный мастер формы, умевший писать сжатым, лаконичным, понятным языком, может и должен послужить образцом для многих писателей. <...> Учеба в школе Чехова особенно полезна для драматургов. Чехов — реформатор драмы. Он создал своеобразный жанр психологической пьесы. <...> нельзя быть драматургом без основательного изучения чеховских пьес, их образов, их композиции» [7, с. 60–61]. Э. А. Полоцкая в позднейшей монографии ««Вишневый сад»: Жизнь во времени» приводит цитату ответа Ф. Ф. Раскольникова, выделяя курсивом «железный инвентарь» и резюмируя: «Комментарии, пожалуй, излишни» [17, с. 48]. Фраза «железный инвентарь» применительно к чеховскому наследию встретится и в ответе Осафа Семеновича Литовского на данную анкету в следующем номере — видимо, это область того, что Григорий Осипович Винокур называл «революционной фразеологией» [2]. В целом же позиция Ф. Ф. Раскольникова, безусловно, шире и любопытнее одной, вырванной из контекста, идеологически окрашенной фразы, и эмоциональное «комментарии излишни» — холостой выстрел с другой стороны идеологической баррикады, в научном плане не самый конструктивный.

Апологетом чеховского наследия выступил и Ефим Давидович Зозуля: «Считал его писателем исключительной силы, глубины и значимости. <...> Мне кажется, что он очень немного устарел. Чеховского быта и чеховских типов у нас еще достаточно. Да что чеховских! И гоголевских хватит! Чехов же во многих и многих своих вещах прямо современен. <...> Если освободить Чехова от слюнявой плаксивости, которую ему навязали его современники и Художественный театр, то Чехов не только будет понятен советскому читателю, но и принесет ему существенную пользу» [7, с. 61]. Вопреки приведенному выше утверждению Э. А. Полоцкой об одиноком защитнике

А. П. Чехова — М. Е. Кольцов, в «адвокаты» писателя можно записать и Е. Д. Зозулю. Любопытно как сходство позиций М. Е. Кольцова и Е. Д. Зозули, так и то, что в 1928 г. они синхронно выпустили предъюбилейные чеховские статьи. О материале М. Е. Кольцова мы уже упоминали. Статья Е. Д. Зозули «Нам надо знать Чехова» была опубликована в «Огоньке». Как и М. Е. Кольцов, отвечая на анкету, Е. Д. Зозуля дает своеобразный реферат положений, высказанных им годом ранее. «Кто разоблачается у нас в любом фельетоне, рабкоровской заметке, в стенгазете, в судебном приговоре? На три четверти это чеховский мещанин, принявший сейчас облик советского учрежденческого бюрократа, слюнтяя, склочника, пакостника, дурака, пьяницы и стяжателя!» [6, с. 10]; «<...> ненависть его [А. П. Чехова] к старому миру глубока и серьезна, и в своих рассказах он не только ярко выразил ее, но... с исключительной точностью нарисовал галерею типов, которую нам следует хотя бы в силу этой точности знать для того, чтобы успешнее с нею бороться. Ибо с “героями” Чехова мы боремся каждый день и будем еще бороться долго» [6, с. 11].

Еще один любопытный ответ принадлежит П. С. Романову: «До революции я смотрел на Чехова как на самого большого художника эпохи, исключая Толстого. Но великим писателем я никогда его не называл. <...> В массы его продвигать, безусловно, следует, но так как он учит лучше видеть и тонко чувствовать, но следовало бы выделить избранные вещи, как-то: “Мужики”, “Каштанка”, “Три года”, многие мелкие рассказы, иначе психология вымершей интеллигенции может оттолкнуть рабочего читателя от писателя. <...> Для писателей Чехов по-прежнему остается одним из высших образцов, у него можно учиться простоте, краткости, жизненности <...>» [7, с. 62].

Мы специально привели подробные выдержки из разных ответов, чтобы нагляднее проявился трехсоставный тематико-смысловый стержень большинства рассуждений (пункты, естественно, могут свободно варьироваться и быть более или менее заостренными и явно выраженными; далее мы, забегая вперед, соотнесем каждую микротему с ответами всей анкеты — чтобы проиллюстрировать небезосновательность нашей классификации).

Пункт первый: Многие аспекты творчества А. П. Чехова чужды новой советской действительности, и знакомить советского читателя с чеховским творчеством необходимо осторожно, сопровождая издания сочинений марксистской критикой и комментариями. (Вариации на данную тему можно найти в ответах Ю. Н. Либединского, М. Е. Кольцова, Ф. Ф. Раскольников, Е. Д. Зозули, П. С. Романова, Бориса Анисимовича Кушнера, Бориса Самсонова, Н. Огнева (псевдоним Михаила Григорьевича Розанова), О. С. Литовского, Всеволода Илларионовича Пудовкина.)

Пункт второй: Тип чеховского обывателя (мещанина, интеллигента и проч.) не исчез, равно не исчезли и отдельные пережитки прошлого — и в этом актуальность творчества писателя. (Вариации на данную тему можно найти в ответах Ю. Н. Либединского, М. Е. Кольцова, Е. Д. Зозули, Б. А. Кушнера, О. С. Литовского.)

Пункт третий: А. П. Чехов — непревзойденный мастер формы, и в этом необходимо у него учиться. (Вариации на данную тему можно найти в ответах М. С. Ольминского, М. Е. Кольцова, Ф. Ф. Раскольников, П. С. Романова, Б. А. Кушнера, Петра Андреевича Павленко, Б. Самсонова, Н. Огнева, О. С. Литовского, Пантелеймона Николаевича Лепешинского, Николая Николаевича Асеева, В. И. Пудовкина, Александра Яковлевича Таирова.)

В зачаточном виде эта схема чеховских достоинств и недостатков встречается и в предшествовавших анкете материалах. Например, в статье Анатолия Васильевича

Луначарского «Чем может быть Чехов для нас», опубликованной в 1924 г. На работу А. В. Луначарского, видимо, ориентировались в своих «апологетических» статьях М. Е. Кольцов и Е. Д. Зозуля. Напомним один из выводов А. В. Луначарского: «В чеховское время никому не хотелось попросту тосковать, поэтому цеплялись за его положительные качества и объявляли его “победителем”. Ведь объявить войну действительности тогда было нельзя. Лишь очень немногие видели, что война эта имеет шансы на победу. Сейчас совсем другое. Не только мы видим, что война эта имеет шансы на победу, но мы уже в большей части одержали победу. Нам тоска не грозит, в наших глазах эта тоска превращается в призыв. Поэтому Чехов ценен для нас.

Хочу ответить еще на возможное возражение. <...> те явления, перед которыми тосковал Чехов, отошли в прошлое. Основного корня их — самодержавия и второго достаточно толстого корня — капитализма в России нет уже, стало быть, Чехов в значительной степени отжил. Соображение это никуда не годится. Мы живем среди порядочной мещанской духоты, она душит нас и в деревне, и в провинции, и в столице. Она держит в своих когтях обывателя, она прочно вцепилась еще и в рабочего, и под ее злым крылом ютится слишком часто личная семейная жизнь даже революционеров. Я сказал, что мы победили на большую половину, это не значит, что мы победили до конца. А главное, Чехов как раз боролся не в области политики, где победа одержана полная (если говорить в русском масштабе), не в области экономики, где победа вчерне тоже одержана, он работал в области культуры и быта, где мы, пожалуй, ни одной победы еще не одержали» [14, с. 33].

В описанную троичную схему вписываются все процитированные налитпостовские ответы, а также ответы Б. А. Кушнера [7, с. 62–63] и Б. Самсонова [7, с. 63] (самый краткий и малоинформативный из представленных в номере) и даже классово выдержанная отповедь М. С. Ольминского. Нескольким особняком стоит ответ П. А. Павленко, который, возможно, и стал причиной последующей конкретизации темы анкеты — отношение не к А. П. Чехову, но к его творчеству, так как П. А. Павленко свое внимание сфокусировал именно на чеховском образе: «<...> Чехов стал для меня образом собирательным, литературным, эпохиально-“национальным”, как Дон-Кихот, как Гамлет или Тиль Уленшпигель. <...> и то, что написано о Чехове, мне памятнее того, что написано им самим. Давно уже смешались в моей памяти все его герои, перепутались их горести, развеялись их метания и остался от всего один автор — человек большой, редчайшей нежности. Чехов как образ совершенно необходим нашей литературе. В галерее ее образов всегда не хватало отличного писателя и благородного человека, восторженно верящего в будущее и умеющего вести писательскую записную книжку. <...> Самого же Чехова, я думаю, сейчас уже мало кто читает. Очень старый писатель он. Читать его хорошо только писателям, которым у него еще добрых двадцать-тридцать лет можно учиться языку малых литературных форм» [7, с. 63]. Однако даже здесь упомянута «формальная» важность чеховского творчества.

Вернемся к вышеприведенному неконкретному утверждению И. Н. Сухих касательно результатов анкеты: «большинство ответов были отрицательными». По каким критериям можно охарактеризовать тот или иной ответ как отрицательный? Как, например, трактовать отзыв Ф. Ф. Раскольникова? Можно свести его к идеологически обусловленным выкладкам о том, как в «Вишневом саде» «необычайно ярко обрисован объективный процесс перехода земли от помещного дворянства в руки аграрной буржуазии» и что чеховская точка зрения на этот процесс «не совпадает с точкой зрения пролетариата» [7, с. 60]. Так сделала Э. А. Полоцкая, но даже после этой редукции

остаётся оценка «Вишневого сада» Ф. Ф. Раскольниковым как яркого, социально значимого произведения — и отзыв становится противоречивым, неоднозначным, но только не отрицательным — в контексте одного только данного тезиса, а их в рассуждениях Ф. Ф. Раскольникова несколько, в том числе и недвусмысленные: об обязательности изучения чеховских пьес советскими драматургами, например, и т. п. Отрицателен ли отзыв П. С. Романова, не считавшего А. П. Чехова великим писателем? Только при выборочном цитировании его можно представить таковым, ведь далее П. С. Романов характеризует А. П. Чехова как «высший образец» для писателей. Руководствуясь этими рассуждениями, итоги первой части анкеты можно подвести следующим образом: из девяти респондентов лишь один (М. С. Ольминский) дал преимущественно отрицательный ответ, но и тот с оговорками.

Все тенденции первых ответов сохранились и в следующем номере. Показательно первое же рассуждение — Н. Огнева: «Влияния Чехова я не отвергал и в юношеском возрасте, даже больше: я учился у Чехова писать. <...> Избранные сочинения Чехова нужны массовому читателю и сейчас именно потому, что и сейчас среди нас ходят, живут и, подчас, действуют люди с элементами чеховских персонажей... Но я не думаю, что массовому читателю нужно давать всего Чехова... Помимо чисто формальных сторон чеховского творчества, — сторон, которые имеют и сейчас громадное значение для художественной литературы и ее развития, существует в чеховском творчестве и некий стержень, и об этом стержне обязаны знать каждый писатель, каждый читатель, каждый грамотный человек. Этот стержень — творческий путь Чехова. От маленьких и весьма незначительных рассказов о тещах и несостоявшихся свиданиях — к серьезнейшим человеческим драмам, полным глубокой художественной правды» [8, с. 53–54]. Те же темы варьируются в ответах О. С. Литовского и Исаака Марковича Нусинова, причем последний оказался единственным среди всех участников анкеты доверяющим читательским навыкам масс: «В отношении Чехова... обычно делали большую ошибку, идентифицируя Чехова с чеховщиной... <...> Наш массовый читатель много вырос. Он сможет отличить писателя от его материала, и тогда Чехов поможет ему преодолеть чеховщину нашей жизни...» [8, с. 56]. О. С. Литовский воспроизводит мотивы материалов М. Е. Кольцова и А. В. Луначарского: «<...> нам нужен советский Чехов для того, чтобы успешнее бороться со всей тупостью и косностью прошлой жизни» [8, с. 56]. Один ответ — Бориса Матвеевича Лапина — был стилистически похож на ответ М. С. Ольминского («мне как читателю он враждебен» и т. д.), но с оговоркой, что массовый читатель должен знать чеховское творчество [8, с. 56].

В этом же номере был кажущийся крайне противоречивым ответ Вс. В. Иванова: «<...> перечитал я его в двадцатом году, и надо сказать, что впечатление было огромное, и я думаю, что оно сильно повлияло на манеру письма рассказа моего “Партизаны”. <...> Надо ли Чехова продвигать к массовому читателю? — Обязательно. Массовый читатель должен всемерно ознакомиться с ушедшей русской культурой, с любовью Чехова к человеку, с его нежностью и с превосходным весельем. <...> Что же касается современной художественной литературы, то влияние Чехова, если оно будет и если оно сможет выявиться (а опасные признаки этого есть, как чувствуется влияние учителя Чехова — Л. Толстого), — влияние это может быть только вредоносным, растлевающим, реакционным и, безусловно, должно быть преследуемо и уничтожаемо на месте, беспощадно! Если писатели желают учиться прозе, — они должны ей учиться по прозе Хлебникова, физиолога Павлова, учебникам химии и геологии» [8, с. 54].

На первый взгляд создается впечатление, что отзыв написан двумя разными людьми. М. Л. Семанова полагала, что тезисы о «вредоносности» чеховского творчества прямо противоречили и не согласовывались с заявленным его влиянием на «Партизан» и продвижением к массовому читателю [18, с. 126]. Однако Вс. В. Иванов просто предельно радикализует многие мотивы ответов других участников анкеты и позицию редколлегии (изложенную в упомянутой нами выше статье о попутчиках и классиках). Для Вс. В. Иванова А. П. Чехов — музейный экспонат и в качестве такового, «обезвреженного, овитриненного», может быть рекомендован к прочтению. На «Партизан» повлияло «впечатление» от чтения А. П. Чехова — т. е. внетекстовые, надтекстовые аспекты — респондент уходит здесь от противоречия, отмеченного М. Л. Семановой. То, что хотел сказать Вс. В. Иванов, видимо, четче выразил в заключительной части анкеты П. Н. Лепешинский: «Как и всякий крупный, перворазрядный литературный талант, Чехов имеет право на внимание широких масс. В его произведениях много той абсолютной (“общечеловеческой”, как иногда говорят) красоты, которая не обусловлена временем и пространством. Но, разумеется, по своим основным настроениям он не подходит к современному моменту стремительной переоценки всех ценностей и лихорадочного творчества в поисках новых форм жизни. Его должны читать и изучать с точки зрения исторической перспективы» [9, с. 60].

В целом же во второй части анкеты из пяти отзывов только один можно назвать отрицательным.

В январском номере 1930 г. отрицательных отзывов нет вообще. Помимо процитированного ответа П. Н. Лепешинского, комплиментарные мнения высказали В. И. Пудовкин и А. Я. Таиров. Особняком стоит ответ Н. Н. Асеева, который М. Л. Семанова также описывала как противоречивый, однако Н. Н. Асеев фактически иронично ушел от конкретного ответа: «Думаю, что вопрос о продвижении Чехова к массовому читателю — бессмысленный и праздный. Почему именно Чехов? — Потому что — юбилей? Или потому что “классик” или потому что редакции нужно устраивать анкеты? <...> Для современной художественной литературы Чехов имеет малое значение, т. к. Чехов мастер законченной сюжетной новеллы, в то время как теперешние беллетристы не удовлетворяются такими размерами, минимально ограничивая свои произведения 5–6 листами. Думаю, что разбор чеховских рассказов, наравне с мопассановскими, много помог бы нашему бумажному кризису...» [9, с. 60–61].

Суммарно в трех частях анкеты из 18 респондентов только двое отозвались о чеховском творчестве негативно (необходимо подчеркнуть — в целом отрицательно, так как и М. С. Ольминский, и Б. М. Лапин делают определенные оговорки).

Таким образом, трудно придумать более неудачный материал для иллюстрации античеховских тенденций 1920-х гг., чем налитпостовская анкета.

Выводы

На примере налитпостовской анкеты и споров 1920-х гг., связанных с классическим наследием и с чеховским творчеством, можно увидеть, что не все страницы этих полемики годятся в качестве иллюстраций к тезисам об «отречениях от классики и А. П. Чехова» в послереволюционное двенадцатилетие. Наверное, время это было не более и не менее «античеховским», чем наше сегодняшнее, просто соответствующие постулаты формулировались на языке, который по многим параметрам — в первую очередь идеологическим — сейчас зачастую воспринимается чересчур эмоционально. Иные историко-культурные классификации и схемы подкупают простотой и стройно-

стью: 1920-е гг. — сбрасывание классического наследия вообще и А. П. Чехова в частности с парохода современности, 1930-е гг. — «переходный период», дискуссии по образцу: если нужен, то кто именно и в каком объеме, 1940–1950-е гг. — «ермиловщина» и т. д. Но подобного рода периодизации обедняют реальный литературный процесс. В одной только анкете «На литературном посту» были, в тех или иных пропорциях, и «античеховизм», и «чеховизм», и «ермиловщина», и зачатки проблем, которыми чеховедение занимается по сию пору.

Сравним, например, налитпостовскую анкету и круглый стол журнала «Нева», посвященный 150-летию со дня рождения А. П. Чехова, когда ряду критиков, писателей и ученых было предложено ответить на несколько вопросов.

Выдержки приводим без имен респондентов (с одним исключением) и с тематическими параллелями из разобранных выше материалов.

«Нет, не было и не будет никакой “чеховской интеллигенции”. Были, есть и будут персонажи Чехова, которые продолжают жить в любом времени» [13, с. 187]. — Сравните с основными положениями статьи Е. Д. Зозули и многими ответами на анкету.

«<...> в ближайшее время будет окончательно развеян массовый миф о “добром дяде” Чехове с перманентной слезинкой сочувствия Ваньке Жукову и Каштанке на стеклышке пенсне» [13, с. 189]. — Сравните с опытом «разгримировки» в исполнении М. Е. Кольцова.

«Читать “Три сестры” или “Иванова” очень скучно... Но ведь тут еще работает Эффект Великой Личности: “это же сам Чехов!” Чехов зевнул, почесался и написал: “Пауза”. А режиссер уже захлебывается от творческих планов: “О! Пауза! О! О! О! Что бы это значило?! О, чеховская пауза!”» [13, с. 190]. «Чеховские рассказы конкуренции его же драматургии не составляют. Увы, для прозы он был немного молод, болезнь и смерть помешали ему полностью реализоваться в этом жанре» [13, с. 195].

«Что касается современности... даже сам Чехов не смог бы сейчас продолжать свои традиции. Его просто не заметили бы, а если бы и заметили, у него был бы такой узкий круг читателей, что ему все равно пришлось бы в один момент бросить литературу, чтобы кормить родителей» [13, с. 195]. — Сравните с мнением И. Сельвинского о «Пушкине сегодня».

«<...> в “чеховедении” — все должно быть подвергнуто переоценке: через отказ от непомерного пиетета перед Чеховым» [13, с. 200]. — Сравните с приведенными выше отрывками из налитпостовской передовой редакционной статьи «Классики — попутчики — пролетарские писатели», где отказ от некритического преклонения перед классическим наследием декларируется как фундамент программы журнала.

«[Пьесы Чехова] — памятник страны, которой давно нет. Вся их жизнь на российской сцене XX века — чуть-чуть музейна, искусственна, а потому и фальшива... Они только и годятся для театра с нелепым именем: художественный академический...» [13, с. 200]. — Сравните с инвективами в адрес МХТ в статье М. Кольцова и с «музейными» метафорами в «Классиках — попутчиках — пролетарских писателях».

«На мой взгляд, богаче Чехов-прозаик. Пьесы его вызывают у меня легкую тоску своей заданностью» [13, с. 209]. — Сравните с «недоумением» М. С. Ольминского.

Любопытно, что — спустя девять десятков лет — иные ответы анкеты «Невы» вполне органично смотрелись бы не только на страницах «На литературном посту», но и в контексте проработочных кампаний напостовства начала 1920-х гг. Собственно, и некоторые редакционные формулировки вопросов анкеты конгениальны ревизионистскому духу постреволюционной инвентаризации классического наследия:

«В письме Суворину Чехов судит себя и своих современников очень строго: мы пишем жизнь такой, как она есть, а дальше ни тпру ни ну; у нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати... Что это — святое недовольство собой или справедливый диагноз?» [13, с. 186]. «Считается, что Чехов изобразил “всю Россию”. Нуждается ли сейчас в корректировке это утверждение? Какие важные типы, на ваш взгляд, отсутствуют у Чехова? Что, на ваш взгляд, в XXI веке может быть подвергнуто переоценке в чеховедении?» [13, с. 186]. Симптоматична попытка определения значимых отсутствий в чеховском творчестве: со схожих «негативных» позиций пытались оценивать его наследие и в 1920-е гг.: например, в брошюре П. С. Когана [11, с. 109–110].

Помимо тематических сходств (при естественных стилистических различиях) с материалами марксистского толка, обращает внимание слабое знание историко-культурного контекста и отдельных фактов чеховской биографии некоторыми респондентами. Юрий Иосифович Колкер, например, выразил уверенность, что писательский труд во времена А. П. Чехова вознаграждался с «неправдоподобной, невообразимой для нас щедростью. Написал рассказец — живи припеваючи месяц, а то и два; ленись вволю, лень ведь необходима, она — гигиена таланта, отдохновение души», а также конвертирует 75 тыс. руб., которые писатель получил по контракту от Адольфа Федоровича Маркса за продажу прав на собственные сочинения, в современные миллионы долларов без уточнения технических аспектов этой конвертизации (кроме того, судя по ответу Ю. И. Колкера, респондент не знает, что выплата производилась в рассрочку) [13, с. 197].

Вышеприведенные параллели между анкетами, разделенными 90-летним промежутком, демонстрируют, что и в 1920-е гг., и в конце 2000-х гг. биография, творчество, проза и драматургия А. П. Чехова вызывали полярные оценки (от банального «нравится либо нет» к более сложным общетеоретическим вопросам). Изменились формы репрезентации взглядов: относительно стилистически единый (марксистский) подход уступил место стилистически пестрому, но это смена формы, а не содержания, которое было, есть и останется разнообразным и противоречивым. Обращаясь к общекультурной ситуации 1920-х гг., можно говорить о своего рода презумпции несоответствия чеховского творчества культурным запросам современности, а на рубеже XX–XXI вв. более естественной кажется презумпция соответствия, отношение возвращается к до-революционной «интимности» (доходящей до фамильярности), формирование которой с 1880-х гг. отмечает Л. Е. Бушканец [1, с. 508]¹. И то и другое в крайних формах — заблуждение, дифференцированные же подходы были — по идеологическим причинам — редкостью как в послереволюционные годы, так и в годы постсоветские.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бушканец Л. Е. «Он между нами жил...». А. П. Чехов и русское общество конца XIX – начала XX века. Казань: Изд-во КФУ, 2012. 756 с.
- 2 Винокур Г. О. О революционной фразеологии (Один из вопросов языковой политики) // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 104–118.
- 3 Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
- 4 Гаспаров М. Л. Столетие как мера, Или классика на фоне современности // Новое литературное обозрение. 2003. № 62. С. 13–14.

¹ См. там же. С. 269–275 (глава «Проза Чехова в восприятии публики»).

- 5 *Дубин Б. В., Рейтблат А. И.* О структуре и динамике системы литературных ориентаций журнальных рецензентов (1820–1978 гг.) // Книга и чтение в зеркале социологии. М.: Книжная палата, 1990. С. 150–176.
- 6 *Зозуля Е. Д.* Нам надо знать Чехова // Огонек. 1928. № 52. С. 10–11.
- 7 Как мы относимся к Чехову // На литературном посту. 1929. № 17. С. 59–63.
- 8 Как мы относимся к творчеству Чехова // На литературном посту. 1929. № 19. С. 53–56.
- 9 Как мы относимся к творчеству Чехова // На литературном посту. 1930. № 1. С. 60–62.
- 10 Классики — попутчики — пролетарские писатели // На литературном посту. 1927. № 5–6. С. 2–5.
- 11 *Коган П. С. А. П.* Чехов. Биографический очерк. М.; Л.: Московский рабочий, 1929. 112 с.
- 12 *Кольцов М. Е.* Чехов без грима // Правда. 1928. 15 июля (№ 163). С. 6.
- 13 *Круглый стол.* К 150-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова... // Нева. 2009. № 12. С. 186–212.
- 14 *Луначарский А. В.* Чем может быть Чехов для нас // Печать и революция. 1924. Кн. 4. С. 19–34.
- 15 Наши современные писатели о классиках // На литературном посту. 1927. № 5–6. С. 57–63.
- 16 *Полоцкая Э. А.* «Вишневый сад». Жизнь во времени // Литературные произведения в движении эпох. М.: Наука, 1979. С. 229–287.
- 17 *Полоцкая Э. А.* «Вишневый сад»: Жизнь во времени. М.: Наука, 2004. 381 с.
- 18 *Семанова М. Л.* Чехов и советская литература. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 312 с.
- 19 *Сухих И. Н.* Сказавшие «О!» Потомки читают Чехова // Нева. 2010. № 12. С. 147–177.
- 20 *Фарбер Б.* В винницкой центральной библиотеке // На литературном посту. 1927. № 8. С. 65.
- 21 *Храпченко М. Б.* Внутренние свойства и функция литературных произведений // Контекст-74. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. С. 6–41.
- 22 Читатели отдаленного рабочего района о беллетристике // На литературном посту. 1927. № 10. С. 66–69.

© 2020. Viktor S. Zaytsev
Moscow, Russia

**“WE NEED SOVIET CHEKHOV”:
ABOUT THE QUESTIONNAIRE OF THE JOURNAL
“NA LITERATURNOM POSTU”**

Abstract: The period of 1920–1930s has a reputation of “anti-Chekhov times” in Russian historiography: the writer's works were subjected to numerous aesthetic critical revisions, the very relevancy of Chekhov's legacy for post-revolutionary culture was an actual issue on the agenda. The subject of one of the most interesting discussions

in this context came to be the anniversary questionnaire about Chekhov by “Na literaturnom postu” magazine in 1929–1930. From 1960s to date many researchers (M. L. Semanova, E. A. Polotskaya, I. N. Sukhikh) cited that questionnaire as the most striking example of anticlassical and anti-Chekhov tendencies in literary criticism which were characteristic of the first post-revolutionary decade. A thorough analysis of answers to that questionnaire demonstrates the complexity and ambiguity of this survey’s results, as well as the incorrectness of its widespread assessments. Most of the writers and political functionaries of the survey’s participants were complimentary towards Chekhov’s work pointing out the need of studying Chekhov’s literary methods for Soviet writers and emphasized the importance of reading Chekhov’s works by mass readers. It is difficult to cite more flawed material for illustrating “anti-Chekhov” tendencies in the literary criticism of the 1920s than that of the questionnaire for “Na literaturnom postu”. The questionnaire and a survey dedicated to the Chekhov’s 150th anniversary in the “Neva” magazine have much in common which demonstrates the stable nature of many formulations that are not reducible to “Soviet” or “post-Soviet” patterns.

Keywords: A. P. Chekhov, Soviet literature, Russian literature classics, ideology.

Information about the author: Viktor S. Zaytsev — PhD in Culturology, Researcher, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum, Trubnikovskiy Lane, 17, 1 bldng., 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0790-2635>. E-mail: vik.zaytsev2014@yandex.ru

Received: March 25, 2019

Date of publication: September 28, 2020

For citation: Zaytsev V. S. “We need Soviet Chekhov”: about the questionnaire of the journal “Na literaturnom postu”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 116–130. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-116-130>

REFERENCES

- 1 Bushkanets L. E. “On mezhdru nami zhil...”. *A. P. Chekhov i russkoe obshchestvo kontsa XIX – nachala XX veka* [“He lived among us...” A. p. Chekhov and Russian society of the late 19th – early 20th century]. Kazan', Izdatel'stvo KFU Publ., 2012. 756 p. (In Russian)
- 2 Vinokur G. O. O revoliutsionnoi frazeologii (Odin iz voprosov iazykovoi politiki) [On revolutionary phraseology (One of the issues of language policy)]. *LEF*, 1923, no 2, pp. 104–118. (In Russian)
- 3 Gasparov M. L. *Zapisi i vypiski* [Records and extracts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 416 p. (In Russian)
- 4 Gasparov M. L. Stoletie kak mera, Ili klassika na fone sovremennosti [Century as a measure, or classic against the background of modernity]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2003, no 62, pp. 13–14. (In Russian)
- 5 Dubin B. V., Reitblat A. I. O strukture i dinamike sistemy literaturnykh orientatsii zhurnal'nykh retsenzentov (1820–1978 gg.) [On the structure and dynamics of the system of literary orientations of journal reviewers (1820–1978)]. In: *Kniga i chtenie v zerkale sotsiologii* [Book and reading in the mirror of sociology]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1990, pp. 150–176. (In Russian)
- 6 Zozulia E. D. Nam nado znat' Chekhova [We need to know Chekhov]. *Ogonek*, 1928, no 52, pp. 10–11. (In Russian)

- 7 Kak my odnosimsia k Chekhovu [How do we treat Chekhov]. *Na literaturnom postu*, 1929, no 17, pp. 59–63. (In Russian)
- 8 Kak my odnosimsia k tvorcestvu Chekhova [What is our attitude towards Chekhov's work]. *Na literaturnom postu*, 1929, no 19, pp. 53–56. (In Russian)
- 9 Kak my odnosimsia k tvorcestvu Chekhova [What is our attitude towards Chekhov's work]. *Na literaturnom postu*, 1930, no 1, pp. 60–62. (In Russian)
- 10 Klassiki — poputchiki — proletarskie pisateli [Classics — fellow travelers — proletarian writers]. *Na literaturnom postu*, 1927, no 5–6, pp. 2–5. (In Russian)
- 11 Kogan P. S. *A. P. Chekhov. Biograficheskii ocherk* [A. P. Chekhov. Biographical essay]. Moscow, Leningrad, Moskovskii rabochii Publ., 1929. 112 p. (In Russian)
- 12 Kol'tsov M. E. Chekhov bez grima [Chekhov without makeup]. *Pravda*, 1928, 15 July (no 163), p. 6. (In Russian)
- 13 Kruglyi stol. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia Antona Pavlovicha Chekhova... [Round table. To the 150th anniversary of the birth of Anton Chekhov...]. *Neva*, 2009, no 12, pp. 186–212. (In Russian)
- 14 Lunacharskii A. V. Chem mozhet byt' Chekhov dlia nas [What may Chekhov be for us]. *Pechat' i revoliutsiia*, 1924, book 4, p. 19–34. (In Russian)
- 15 Nashi sovremennye pisateli o klassikakh [Our modern writers on the classics]. *Na literaturnom postu*, 1927, no 5–6, pp. 57–63. (In Russian)
- 16 Polotskaia E. A. “Vishnevyy sad”. Zhizn' vo vremeni [“Cherry orchard”. Life in time]. In: *Literaturnye proizvedeniia v dvizhenii epoch* [Literary works in the movement of epochs]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 229–287. (In Russian)
- 17 Polotskaia E. A. “Vishnevyy sad”: Zhizn' vo vremeni [“Cherry orchard”: Life in time]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 381 p. (In Russian)
- 18 Semanova M. L. *Chekhov i sovetskaia literature* [Chekhov and Soviet literature]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 312 p. (In Russian)
- 19 Sukhikh I. N. Skazavshie “O!” Potomki chitaiut Chekhova [Those Who Said “Oh!” Descendants read Chekhov]. *Neva*, 2010, no 12, pp. 147–177. (In Russian)
- 20 Farber B. V vinnitskoi tsentral'noi biblioteke [In Vinnytsa Central library]. *Na literaturnom postu*, 1927, no 8, p. 65. (In Russian)
- 21 Khrapchenko M. B. Vnutrennie svoistva i funktsiia literaturnykh proizvedenii [Internal properties and function of literary works]. In: *Kontekst-74. Literaturno-teoreticheskie issledovaniia* [Context-74. Literary and theoretical research]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 6–41. (In Russian)
- 22 Chitateli otdalennogo rabocheho raiona o belletristike [Readers of a remote working-class district on fiction]. *Na literaturnom postu*, 1927, no 10, pp. 66–69. (In Russian)